

А. Л. СЕМЁНОВА

Влияние эмпириомонистических идей А. Богданова на М. Горького

Философская система А. А. Богданова (Малиновского) — эмпириомонизм — была значительным явлением русской научной мысли и культуры начала XX в. Ее с особым энтузиазмом встретил «пролетарский писатель», позднее «основоположник советской литературы» М. Горький. Для демифологизации личности и творчества крупнейшего деятеля российской и советской культуры, для более объективного взгляда на его роль в эпохе революций начала XX в. несомненный интерес представляет дальнейшее исследование его взаимоотношений с Богдановым.

Традиционно считалось, что увлечение Горького идеями эмпириомонизма Богданова было лишь некоторым, не очень длительным этапом в жизни писателя. С богдановской теорией связывают чаще всего повесть Горького «Исповедь» и статью «Разрушение личности». Но, думается, что это далеко не так. Идеи Богданова были восприняты Горьким глубоко и основательно, их влияние можно проследить во всем творчестве писателя.

Новый существенный материал для изучения вопроса дают публикации переписки Горького и Богданова, осуществленные Ю. Шеррар и И. Ревякиной. Взаимоотношения философа и писателя рассматривал Г. Гловели. Об интересе Горького к философским идеям и работам Богданова писала Л. Спиридонова, В. Барахов, П. Басинский. Более полный сопоставительный анализ творчества двух мыслителей позволяет проследить реминисценции ключевых идей Богданова в публицистических и художественных произведениях писателя, т.к. эмпириомонистические идеи оказали исключительное влияние на мировоззрение писателя.

Система общественно-политических и философских взглядов Горького была очень противоречивой, но в конце 1900-х гг. окончательно

оформляются и идейно, и образно те принципы, которым писатель останется верен до конца жизни. Хотя бы те факты, что текст статьи «Разрушение личности» (1909) был положен в основу доклада на Первом съезде советских писателей в 1934 г., а замысел незаконченных «Записок доктора Ряхина» реализовался в романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина», заставляют нас обратить внимание на тот период, когда они возникли, и дают возможность проследить эволюцию взглядов писателя.

Несомненно, что в полифонии идей второй половины XIX — начала XX в. писатель выделил те, что были созвучны его жизненному кредо: воля, побуждающая к активности; труд, служащий совершенствованию опыта; человек-творец как возможность сверхчеловека; коллективизм, основанный на солидарности.

Эмпириомонистические увлечения Горького в начале XX в. во многом были подготовлены влиянием идей Н. Флеровского (В. В. Берви), благодаря которому, по позднейшим высказываниям писателя, он осознал «организующую роль труда». С ним писатель был лично знаком еще в 1890-е гг. Берви-Флеровский утверждал, что жизнь человечества в новую эру неизбежно разделится на две половины: «время господства религиозных представлений, религиозной нравственности и инстинктивных организаций» и «время сознательного научного мировоззрения, научного понятия о нравственности и сознательных организаций». «В первое время господствует авторитет и подражание; второе характеризуется господством научного синтеза...»¹ Философские системы как Берви-Флеровского, так и Богданова были монистическими и позитивистскими: в основе единства мира у Берви-Флеровского — всеобщая впечатлительность природы², у Богданова — единство опыта.

Общественный идеал будущего виделся Берви-Флеровскому как преодоление состояний, присущих животному: анархии и приручения. Он считал, что «умственное развитие prepares человека к третьему высшему состоянию: сознательной общественности». Достижение этого высшего социального состояния возможно лишь с помощью «постепенности»³. Берви-Флеровский был эволюционистом, в этом его главное

¹ Флеровский Н. Азбука социальных наук. Лондон, 1894. Т. 1. С. 17.

² «Взаимная впечатлительность частей материи порождает в них стремление к стройности только потому, что впечатление одной части не будет мешать действию и существованию другой, тогда между впечатлением и ответом на него будет гармония», такую интерпретацию предлагает О. Н. Грищенко в своей работе «“Азбука социальных наук” В. В. Берви-Флеровского»: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. 25 с. С. 12.

³ Флеровский Н. Приложение. Борьба анархии с приручением. Очерк из русской истории // Флеровский Н. Азбука социальных наук. Т. 1. С. 32.

отличие от Горького, ценившего бунтарство как способ кардинального революционного преобразования жизни.

Главный вывод, к которому пришел писатель накануне Первой русской революции, это то, что индивидуалистический бунт против существующего социального порядка обречен на поражение, путь индивидуального противостояния неудовлетворительному общественному устройству безнадежен. Это способствовало неизбежному сближению писателя с марксистами, и в первую очередь — с Богдановым, Луначарским. В их мировоззрении писатель находит ту силу, которая, делая праведным бунт, ведет к новой гармоничной жизни. Потому вполне закономерной была эволюция Горького от нищестанства (1890-е гг.) к марксизму (1903 г. — поэма «Человек»).

С философией Ницше Горький познакомился в 90-е г. XIX в.⁴ Большую роль в этом сыграла дружба с Н. З. Васильевым, переводившим в 1890 г. на русский язык книгу Ницше «Так говорил Заратустра». Перевод, сделанный Васильевым, писатель пытался опубликовать в январе 1899 г. в журнале «Жизнь»⁵. В одном из писем конца 1890-х гг. Горький заявляет о вере в человека (при этом цитирует ницшевские слова) «человек есть нечто такое, что должно быть превзойдено», добавляя от себя рефреном: «И верю, верю — будет превзойдено».

В основе горьковского представления о сверхчеловеке — антропоцентризм. В 1899 г. в письме к Репину писатель утверждал: «Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека. Он — все. <...> Я уверен, что человек способен бесконечно совершенствоваться, и вся его деятельность — вместе с ним тоже будет развиваться <...> Верю в бесконечность жизни, а жизнь понимаю как движение к совершенствованию духа»⁶. Этой приверженностью идее Человека можно объяснить первоначальное резкое неприятие Горьким марксизма⁷. В 1895 г. писатель очень категорично и негативно отзывался о марксистах в письме к В. Г. Короленко, а в 1897 г. пишет А. М. Скабичевскому: «Марксистам я не сочувствую», а в другом письме этому же адресату уточняет свою позицию: «Я — не марксист и оным не буду вовеки <...> ибо я знаю, что жизнь творят люди, а экономика только влияет на нее»⁸.

⁴ Семенова А. Л. Максим Горький: от Ницше к Марксу (к вопросу об эволюции горьковского мировоззрения) // Человек и мир в творчестве М. Горького. Горьковские чтения — 2006. Н. Новгород, 2008. С. 462–467.

⁵ Горький М. Письма. Полн. собр. соч.: в 24 т. М., 1997–2009. Т. 1. С. 652.

⁶ Там же. С. 273, 377.

⁷ Возможно, за этим стояла и народническая традиция критики экономического учения Маркса, а также увлечение идеями Л. Н. Толстого, которые не могли не оказать на писателя определенного влияния в его юношеские годы.

⁸ Горький М. Письма. Т. 1. С. 88, 220.

Для Горького любое учение имело ценность постольку, поскольку способствовало развитию человека, росту его самосознания, духовному совершенствованию, творческому преображению.

В 1897 г. в письме к А. Л. Волынскому Горький размышлял: «Я родился идеалистом, а теперь становлюсь скептиком, ибо люди — пошлы и мелки, а жизнь скучна и темна». И далее: «Нитцше, поскольку я его знаю, нравится мне. А это потому, что, демократ по рождению и чувству, я очень хорошо вижу, как демократизм губит жизнь, и понимаю, что его победа будет победой не Христа, как думают иные, а брюха»⁹.

Горький, как и Ницше, отвергал буржуазный демократизм, который провозгласив свободу, равенство и братство, в сущности своей мог обеспечить их лишь по отношению к «брюху», — т.е. равное право для всех на удовлетворение элементарных человеческих потребностей, и решающей здесь становилась забота о материально-телесном, а следовательно, духовным исканиям не было места в «скучной и темной жизни пошлых и мелких людей» (Горький). Потому люди заслуживают у молодого писателя самых жестких характеристик: «бедны чувством», «не умны — <...> только хитры хитростью вечно голодных зверей», «жалкие», «хмурые», «нудные», «отвратительные», «дрянные мешки с кишками»¹⁰. В этих резких горьковских словах, несомненно, слышен отзвук размышлений Заратустры о несовершенстве людей¹¹.

Горьковский Человек — это всегда бунтарь, для которого нестерпимо несовершенство, будь то природа, человек, общество. Наиболее ярко этот взгляд писатель выразил в образах босяков, героев ранних рассказов. Современная писателю критика сразу же заметила близость взглядов этих персонажей философии Ницше. Например, статья Н. К. Михайловского «О Максиме Горьком и его героях». Сопоставление с Ницше проводили также Волынский, Кропоткин, Львов-Рогачевский, Андреевич, Минский и др.

Герои ранних произведений Горького не являются отверженными, они сами отвергли общество с его лживой мещанской моралью, с его лицемерными условностями, где важен не человек как личность, а его социальный статус, определяемый общественным положением и материальным достатком.

Р. В. Иванов-Разумник в «Истории русской общественной мысли» писал: «Для Горького “босяк” <...> не идеал, но иллюстрация

⁹ Там же. С. 245–246.

¹⁰ Там же. С. 164, 291.

¹¹ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. / Сост., ред. и автор примеч. К. А. Свасьян. М., 1997. Т. 2. С. 8–9.

к антимещанским идеалам жизни. В босяке Горького подкупает его полная свобода, его независимость от узких и душных форм жизни современного культурного человечества»¹². Отказываясь от всего этого, босяк обретает свободу и независимость; ему нечего терять, он ни к кому и ни к чему не привязан. В этом горьковский босяк сближается с Заратустрой Ницше. Но это же ведет босяка к нигилизму, за которым стоит не ницшевская «переоценка ценностей», а анархия, саморазрушение. Сила протеста босяка не может быть созидательной. Это бунт, а жить бунтом нельзя (Достоевский). Судьбы Григория Орлова, Коновалова служат тому доказательством. Разочарование автора в героях-босяках явно прослеживается в рассказе «Бывшие люди» и в пьесе «На дне».

Поиски героя, способного изменить жизнь людей, героя, подобного Данко, но не легендарного, а современника, неизбежно вели Горького к марксизму, который в начале XX в. становился явной общественной силой. В мировоззрении марксизма писатель осознал ту силу, которая, делая праведным бунт, вела к новой гармоничной социальной жизни: «Найти гармонию между собой и миром, в себе самом гармонию создать». Так выразил писатель свой идеал в поэме «Человек».

Идеал «сверхчеловека» претерпевает у Горького некоторую эволюцию: в его последующем творчестве станут неотъемлемыми характеристиками всех положительных героев (Павел Власов, Егор Досекин, Марк Васильев, Кутузов) — разумность (в поэме «Человек» это Мысль) и деятельность, созидательность.

При этом для Горького наиболее значимыми стали идеи неортодоксального марксиста Богданова. В своем первом письме к философу писатель сообщал: «В феврале выйдет моя маленькая статейка, в коей я излагаю мое кредо — она называется “Человек”»¹³.

Это произведение Горького было своеобразным синтезом марксистских и ницшеанских идей. Например, явные ницшевские аллюзии: «трагически прекрасный человек», который «далеко впереди людей и выше жизни», «творит богов и низвергает их», проклинает «все предрассудки, предубеждения и привычки, опутавшие мозг и жизнь людей, подобно липкой паутине». Он объявляет: «Я их разрушу!». При этом в горьковском тексте прочитывается демократизм и рационализм марксизма: сила Человека в его Мысли, он «из опыта — науки создает» и каждым шагом украшает жизнь, Человек — «непримиримый

¹² Иванов-Разумник Р. История русской общественной мысли. СПб., 1907. Т. 2. С. 397.

¹³ Горький М. Письма. Т. 4. С. 19.

враг позорной нищеты людских желаний», он хочет «чтобы каждый из людей был Человеком!»

Г. Чулков, критик журнала «Новый путь», в рецензии на первый сборник «Знания» иронично резюмировал: «И вот Максим Горький литературный диктатор, законодатель “направлений”... Афоризм за афоризмом изрекает он, а глупая толпа, подобострастно хихикая, требует новых острот в том же роде: вылетают “буревестники”, и наконец, выходит на сцену сам человек. Но как и *каким* является он перед нами? <...> Это уже не тот свободолюбивый человек, родной брат солнцу и морю, а какая-то странная кукла, в “марксистской” блузе, из кармана которой торчит Ницше в изложении г. Луначарского»¹⁴.

Любопытно, что в контексте анализа горьковской поэмы в рецензии Чулкова возникает имя Луначарского. Между Горьким и Луначарским переписка возникла только в 1906 г., тесные дружеские отношения установились осенью 1907 г. Однако близость взглядов молодого писателя и молодого критика несомненна, в первую очередь, в синтезе нищевского идеала с позитивизмом марксизма.

При этом подчеркнем, что соединение столь различных философских систем нельзя свести к эклектичности горьковского мировоззрения или «легкомысленности» Луначарского. Дело в том, что само стремление к синтезу идей Ницше и Маркса было присуще общественной мысли начала XX в. Критик В. Гольцев в газете «Курьер» в 1900 г. писал: «В последние годы наша молодежь сильно увлекается <...> экономическим материализмом, который при этом нередко переплетается причудливым образом с разновидностями декадентства и очень уж опрошенным нищезанятием»¹⁵. В 1906 г. в Одессе вышла книга (перевод с немецкого) Макса Фалькенфельда «Маркс и Ницше», в которой автор отмечал возможность частичного проникновения позитивистской теории марксизма поэтической метафизикой Ницше. Главное, что сближает Маркса и Ницше, по мнению автора книги, антибуржуазность и «переоценка прошлого»¹⁶.

Таким образом, задолго до знакомства между Горьким и Луначарским возникло идейное притяжение, полюсами которого стали Ницше и Маркс. По мнению Ю. В. Синеокой, неортодоксальные марксисты, «согласившись с тем, что нищевский идеал активной, творческой жизни неприменим к буржуазному строю <...> считали возможным его воплощение в будущем социалистическом государстве,

¹⁴ Чулков Г. Сборник товарищества «Знание» за 1903 г. Кн. первая. СПб., 1904 // Новый путь. 1904. № 6. С. 218–219.

¹⁵ Гольцев В. // Курьер. 1900. № 270, 29 сент.

¹⁶ Фалькенфельд М. Маркс и Ницше. Одесса, 1906.

где всеобщее равенство станет залогом свободного созидания и творчества всех людей. Позитивное истолкование у русских марксистов поначалу получила и идея сверхчеловека, воспринятого как образец героической личности, сильного лидера, беззаветно служащего народным массам. Важной чертой, объединившей марксизм и ницшеанство, стала концепция “воли к будущему”, обратившаяся в тезис о том, современная действительность, поколения ныне живущих людей получают оправдание и смысл своего существования лишь как материал и залог появления грядущего племени совершенных людей»¹⁷.

Стержневой составляющей горьковского мировоззрения была идея Человека, которую писатель отождествил со сверхчеловеком Ницше, реальную же возможность осуществления этого своего идеала Горький нашел в «собирации человека» Богданова.

Можно предположить, что неортодоксальный марксизм и стал для писателя образцом того философского синтеза, к которому стремился и он сам. Знакомство писателя с философом состоялось в 1903 г. Обмен письмами положил начало плодотворному сотрудничеству: совместные сборники статей, пропагандистская школа на Капри, активная просветительская работа. Эмпириомонистические взгляды философа оказали существенное влияние на Горького, хотя, несомненно, это влияние было обусловлено жизненным кредо и собственными философскими поисками писателя. Самое важное, что нашел Горький у Богданова — четкое, научно обоснованное изложение тех идей, к которым был близок сам писатель.

Для Богданова «философия есть в ы с ш а я познавательная систематизация опыта» (с. 53)¹⁸. Опыт же он трактует онтологически: бытие не материально и не духовно, оно есть опыт, «мир э л е м е н т о в в их различной связи и отношениях», потому «<...> “материя” <...> — о б ъ е к т т р у д а, то, что оказывает с о п р о т и в л е н и е человеческой активности <...>» «Законы природы» рождаются и живут в трудовой борьбе человечества с природой, они — <...> законы т р у д о в о г о р а з в и т и я жизни во вселенной» (с. 45, 100, 114).

«Д и н а м и ч е с к о е понимание элементов опыта, как основного и всеобщего материала “бытия” должно быть свойственно пролетариату, как наиболее активно-трудовому классу общества» (с. 105). Специфической формой бытия рабочего класса является «товарищеское

¹⁷ Синеокая Ю. В. Философия Ницше в России (конец XIX — начало XX вв.). М., 1996. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. С. 28.

¹⁸ Здесь и далее ссылки приводятся по изд.: Богданов А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма СПб., 1909, — с указанием страниц в скобках.

объединение труда», которое есть «практический коллективизм пролетариата» (с. 117).

Философ считает, что дуализм «субъекта — объекта» произошел из авторитарной антитезы «духовного — телесного» и при этом он является индивидуалистической формой мышления (с. 71). В основе же этого лежит дробление коллективного человеческого опыта, которое и ведет к «дроблению» человека.

Богданов пишет: «Если физический опыт характеризуется тем, что его материал организован коллективно, то для опыта психического о г о такой же характеристикой является и н д и в и д у а л ь н а я о р г а н и з о в а н н о с т ь. Его связь ассоциативная, его центр — индивидуальное «я». Но, по мнению автора, ошибочно противопоставление этих двух типов опыта, т.к. «переход психических комплексов в физические, возвышение индивидуально-организованного до организованного социально происходит постоянно путем т р у д а и путем п о з н а н и я» (с. 127–128). Таким образом, «коллектив присутствует не только в каждом комплексе физического опыта, как его необходимый субъект, но и в каждом комплексе опыта психического, как его исторически-определяющее условие» (с. 137).

Богдановское стремление к обоснованию научного синтеза не могло не импонировать Горькому, как и интерпретация марксизма: «Философия марксизма — философия пролетариата, и она также есть — коллективизм» (с. 127). Социализм для Горького — монистическая идея, где «под влиянием организующей силы коллективного творчества идей, психика личности строится своеобразно гармонично», условием чего является «непрерывный обмен интеллектуальных энергий» (XXIV, с. 43)¹⁹.

Наиболее сильное увлечение эмпириомонистическими идеями Богданова Горький пережил в 1906–1909 гг. Именно к этому периоду относится множество восторженных горьковских отзывов о Богданове, например, в письмах к Е. П. Пешковой, И. П. Ладыжникову. Самому философу писатель предрекал великое будущее: «Вам суждено историей положить первые камни фундамента <...> философии будущего, той философии, коя не только миропонимание, но именно ощущение связи с миром, той философии, которая должна возратить человека на его место — в центр процесса жизни, должна гармонизировать его — изменить физически...»²⁰.

¹⁹ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: *Горький А. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1949–1956, — с указанием тома и страниц в скобках.

²⁰ *Шеррап Ю.* Горький и А. Богданов (История отношений по материалам переписки 1908–1910) // *Неизвестный Горький. М. Горький. Материалы и исследования.* М., 1995. Вып. 4. С. 54–61.

Уже в статье «О цинизме» (1908) можно увидеть явные реминисценции богдановских идей, когда писатель пишет о том, что в «условиях битвы всех со всеми человек дробится на куски, хочет он этого или нет», и что чувство взаимного уважения между людьми «должно укрепиться сознанием единства опыта у каждого со всеми и солидарности задач всех и каждого» (XXIV, с. 18, 19). Очевидно, что в первом случае подразумевается мысль Богданова о «дроблении человека» в результате дробления коллективного опыта на организаторов и исполнителей, а во втором — о «собираании опыта» на основе коллективизма идей и деятельности.

Статья «Разрушение личности» содержит в себе наиболее полный спектр идей философа. Само название статьи — перифраз «дробления человека». Несмотря на то что по настоянию В. Ленина статья Горького неоднократно подвергалась изменениям, в тексте ее осталось немало богдановских реминисценций.

Богданов в своем юбилейном сборнике «Десятилетие отлучения от марксизма» дал такой отзыв об этой статье: «Основная мысль ее была та, что художественная истина лежит в коллективном опыте, рождается из коллективных стремлений, чувств, представлений; это — настоящий источник творчества, откуда, бессознательно или сознательно, черпает истинный художник; личность тогда создает нечто ценное, когда она выражает и воплощает коллективное. С такой меркой М. Горький подошел к тогдашней беллетристике и показал ее глубокое убожество <...>. В той статье Горький — коллективист, в полном и чистом смысле этого слова, без всякой посторонней примеси и налета»²¹.

Горький активно использует богдановскую идею единства опыта, но развивает ее в аспекте творчества, т.к. для него «*бытие и творчество — едино суть*». Писатель повторяет мысль философа о коллективном характере опыта в родовом обществе, где «личный опыт немедленно вливался в запас коллективного, весь коллективный опыт становился достоянием каждого члена группы». Потому силой коллективного творчества, «целостностью коллективного мышления» Горький объясняет «глубокую красоту мифа и эпоса, основанную на совершенной гармонии идеи с формой» (XXIV, с. 28, 27).

Дробление коллективного опыта в результате специализации и господства частной собственности, вслед за Богдановым, писатель считает основным злом современности, потому что это было «началом дробления целостной энергии коллектива». Результат этого — «распад

²¹ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904–1914) // Неизвестный Богданов: в 3 кн. / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 1995. Кн. 3. С. 128.

энергии народных масс, постепенное уничтожение гениальной, поэтически и стихийно творящей психики коллектива...» (XXIV, с. 29, 33).

Богданов утверждает: «“Абсолютное” индивидуальное “я” выражает собою социально-раздробленный опыт и жизненное противоположение человека человеку». «Каков опыт, таково и мышление. Оно индивидуалистично, его вечным центром является “я”, “абсолютное”, оторванное от общественного — и тем более от мирового целого...» Потому «проклятые вопросы» о смысле жизни — «это вопросы раздробленного человека». «Специализация не устранила авторитарного дробления человека, она только ограничила его поле и создала для него новые рамки». Так формируется «мещанский мир», «мир авторитарно-индивидуалистический». «Мышление мещанского мира естественно совмещает в себе и авторитарный дуализм и индивидуалистическую разорванность. Оно религиозно и метафизично. Его Universum раздвоено по всей линии и полон таинственных противоречий»²².

Этими словами Богданова можно выразить основную идею горьковской повести «Городок Окуров»²³. И это вполне закономерно, т.к. в повести об Окурове, с одной стороны, Горький предпринял попытку объективного и широкого обобщения опыта нации, с другой — реализовал желание художественно проиллюстрировать основные идеи «разрушения личности», дробления коллективного опыта в мире уездного мещанства, которое олицетворяет собою всю Россию.

В повести «Городок Окуров» писатель показывает анархически-организованный авторитарно-индивидуалистический мещанский мир. Даже во время революционного брожения окурковские обыватели «разбились по группам, сообразно интересам своим, смотрели друг на друга подозрительно, враждебно и не столько слушали, сколько подслушивали друг друга» (X, с. 81)²⁴.

В первой повести об Окурове Горький выносит приговор бесплодности окурковской жизни, в которой нет места человеческой солидарности и коллективному творчеству, ведь «источник бодрости и творчества — чувство органической связи с народом» (XXIV, с. 37). А значит, не происходит собирания человеческого опыта, а вместе с тем и самого человека. В окурковском мире нет возвышения «индивидуально-организованного до организованного социально» (Богданов), т.к. для этого

²² Богданов А. А. Новый мир // Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет / Под ред. Л. И. Абалкина и др. М., 1990. С. 37, 38.

²³ Семёнова А. Л. «Окурковская Русь» М. Горького (К проблеме русского национального характера). В. Новгород, 2003.

²⁴ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Горький М. Художественные произведения. Полн. собр. соч.: в 25 т. М., 1968–1976, — с указанием тома и страниц в скобках.

необходим неустанный труд и активность в познании мира, потому что великая творческая задача личности — организация коллективного опыта в форму идеи, гипотез, теорий.

Эту мысль писатель иллюстрирует в сценах революционного брожения окуровцев, где рисует «сбитых в толпу возбужденных людей» (X, с. 86), у которых «не было сил создать одну мысль и одно чувство; угловатые, сухие и разные, они не сливались в живую разумную силу, освещенную единством желания». Вся беда этих людей в том, что им «не о чем говорить, кроме близких и хорошо знакомых, будничных дел» (X, с. 85), потому что у них «нет творческой, то есть социальной связующей идеи, и не может быть длительного единства энергии, — каждый субъект является носителем грубо и резко очерченного самодовлеющего “я”...» (XXIV, с. 43), — так раскрывает писатель эту мысль в своей статье «Разрушение личности».

«Анархия — вот признанный и неоспоримый результат мещанского творчества, и именно этой анархии мы обязаны все острее ощущаемой убылью души» (XXIV, с. 42), — писал Горький-публицист. А так как у мещан нет внутреннего стержня, то единственной силой, способной организовать мещанский мир, извлечь его из первозданного варварского хаоса может только авторитет государственной власти, скорее даже авторитет ее силы. Писатель неоднократно подчеркивает мещанское опасливое почтение к представителям власти — «предуказаниям начальства повиновались мирно» (X, с. 9), — например, сцены окуровской «революции» в повести «Городок Окуров».

Когда окуровское начальство из-за событий Первой русской революции оказывается недееспособным и находится в смятении, то инициативу по наведению порядка берут в свои руки хозяева: Кулугуров, Базунов и другие зажиточные горожане. У них одна цель — разогнать народ, не дать ему сплотиться в единое целое, прийти к одной общей мысли, а главное осознать себя реальной силой жизни. Неслучайно в конце повести писатель рисует сцену пробуждения в окуровских жителях общего самосознания, когда «сильно и мощно, сотнями грудей вздохнула толпа: “Долой! Не надо!”» (X, с. 120) на попытку Вавилы произнести речь.

Но это пробуждение единства слишком слабо — перед читателями предстает все же не коллектив, а толпа — поэтому затеянная Вавилой драка рассеяла людей, разогнала их по домам, оставила победителями горожан-хозяев, которые тут же авторитетно скрутили и самого Вавилу. Горький показывает, как самопроизвольно мир принудительных норм восстанавливается в мещанском окуровском мире.

Потому и «героем» мещанского мира может быть только хулиган. Человек, переступающий через существующие социальные нормы,

но не во имя какой-либо идеи, а ради жестокого озорства или из «тупого русского отчаяния», которое и порождает исконный нигилизм русского человека. В отличие от Богданова, который охарактеризовал «мещанский мир» в социально-психологическом обобщении, Горький развивает эту тему публицистически и художественно: ему важно выявить, каков истинный герой этого мещанского окурковского мира. Выводы писателя категоричны: «Благодаря мещанству мы пришли от Прометея до хулигана. Но хулиган — кровное дитя мещанина...» «Хулиган существо, лишенное социальных чувств, он не ощущает никакой связи с миром, не сознает вокруг себя присутствия каких-либо ценностей и даже постепенно утрачивает инстинкт самосохранения — теряет сознание ценности личной своей жизни. <...> Это личность не только разрушенная, но еще и хронически раздвоенная — сознательное и инстинктивное почти никогда не сливаются у нее в одно “я”» (XXIV, с. 78, 39).

Собирательным образом хулигана мещанина стал Вавила Бурмистров. В обрисовке этого образа писатель стремился показать, что «сама по себе, вне связи с коллективом, вне круга какой-либо широкой, объединяющей людей идеи, индивидуальность — инертна, консервативна и враждебна развитию жизни», т.к., по мнению Горького, «яд нигилистического индивидуализма» «совершенно разрушил личность» (XXIV, с. 34, 78). К тому же в окуровских мещанах автор не видит проявления личностного самосознания, он постоянно акцентирует внимание читателей на инстинктивности поступков своих персонажей.

И этот стихийный индивидуализм, в котором проявляется не личное самосознание, а животная самость, разрушительен не только для общества, но и для самого человека. Горький писал, что «психика личности, воспитанной в <...> внутренне раздробленной и лишь внешне, механически связанной среде — эта психика должна носить своеобразный характер», отличительная особенность ее — изменчивость и неустойчивость²⁵.

Раздробленному мещанскому миру и индивидуалистам-мещанам, его населяющим, писатель противопоставляет идею организации коллективного опыта в социалистическом обществе, при этом в отличие от Богданова, утверждавшего исключительно *пролетарский* коллективизм, писатель трактовал это понятие более широко: коллектив — это народ (интерпретация этого понятия у писателя неоднозначна). Горький писал: «Будучи развита и организована, духовная энергия народа нашего может освежить жизнь мира, ускорить наступление всечеловеческого праздника разума и красоты» (XXIV, с. 78).

²⁵ Горький М. История русской литературы. М., 1939. С. 139.

Можно утверждать, что для Горького синонимичны понятия народа и пролетариата, это те, кто трудится, создает материальные и духовные ценности. Потому, возможно, писатель не избегает буквального повторения мыслей Богданова: «Организация рабочих ставит своей целью борьбу и победу; она внутренне спаяна единством опыта, который постепенно и все определеннее создается ею как великая монистическая идея социализма» (XXIV, с. 43).

Свой идеал Горький в заключении статьи о «разрушении личности» формулирует с помощью богдановской терминологии: творческая жизнь, «стремление к победе над сопротивлением мертвой материи, желание овладеть всеми ее тайнами и заставить силы ее служить воле людей для счастья их». Условием исполнения этой заветной мечты является забота «о постоянном развитии количества живой, сознательной и активной психофизической энергии мира», а также «развитие и организация, по возможности, всего запаса энергии народов, превращение ее в активную силу, создание классовых, групповых и партийных коллективов» (XXIV, с. 79).

Увлечение идеями Богданова для Горького оказалось во многом решающим, благодаря философу писатель находит ту терминологию, ту идейную, мировоззренческую установку, которая была ему наиболее близка.

Однако отношения Горького и Богданова, пройдя стадию тесного сотрудничества и взаимопонимания, закончились полным разрывом в 1910 г. Крайне сложно восстановить подлинные причины этого. Однако важно заострить внимание на одном чрезвычайно существенном аспекте, где взгляды писателя и философа кардинально расходились: вопрос о вере. Богданов считал: «Религиозное мышление неразрывно связано с авторитарными трудовыми отношениями (руководство — исполнение или власть — подчинение), из них возникло и их отражает», потому «религиозное мышление есть авторитарное». И далее — «А “вера” есть отношение человека к признаваемому им авторитету: не простое доверие к нему или согласие с ним, но — основанное на подчинении, на устранении собственной мысли и критики, на отказе от исследования, на подавлении всяких возможных сомнений, на акте воли, направленном к познавательной пассивности»²⁶.

С подобным утверждением Горький не мог безоговорочно согласиться. С одной стороны, в статье «Разрушение личности» он пишет о том, что мещанство на место разума ставит веру, которая «всегда успешнее поддерживает авторитет» (XXIV, с. 46). Но, с другой стороны,

²⁶ Богданов А. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 40.

в многочисленных высказываниях Горького о человеке и его созидательных возможностях рефреном звучало слово — «верю». Приняв с энтузиазмом эмпириомонистические идеи философа, он писал ему: «А что рабочие встанут на сторону эмпириомонизма — за это говорят и Михайло, и Вася, и Лоренц, и мое чутье, кое имею дерзость считать безошибочным. Не понимаю я Вас — верите Вы в себя или нет?»²⁷. В этом горьковском вопросе и кроется, возможно, источник будущих разногласий.

Для Горького понятие веры — основное конституирующее состояние человеческого духа, т.к. на вере в разум и любви к жизни основывался положительный идеал нового человека, творящего новую жизнь. Вера в разум, вера в могущество науки, и, следовательно, вера в пролетариат как организующий мир в процессе своего труда и как организованный условиями своего труда в сознательный коллектив. Отсутствие этой веры у своих соратников — Ленина и Богданова — позволило писателю назвать их нигилистами, т.к. ни тот, ни другой «в глубине душ своих не верят ни в пролетариат, ни в социализм»²⁸.

Влияние богдановской теории на взгляды писателя не ограничивалось только девятидесятыми годами. После размолвки с Богдановым Горький не поддерживал с ним отношений, но «за этим не последовало кардинальной переоценки деятельности и взглядов Богданова, Горький продолжал следить за его деятельностью и работами» (IV, с. 408)²⁹. Необходимо подчеркнуть, что после разочарования в реальной партийной политике большевиков, Горький остался верен идее единства опыта (XXIV, с. 104). Как утверждал Богданов в 1914 г.: «От коллективизма же, в его полном и широком, в его всеобъемлющем понимании, в его нашем понимании, Горький нигде прямо не отказывался»³⁰.

Богданов помог Горькому оформить его инстинктивное отталкивание от традиционных, исторически сложившихся устоев русской жизни в нечто «позитивное» по сути и «научное» по форме. Но Горький не мог стать послушным учеником философа уже по одной простой причине — он был художником, для которого решающую роль играл собственный жизненный опыт.

²⁷ «...Смешно видеть себя причиной “драки”»... (Из переписки М. Горького с А. Богдановым 1903–1909 гг.) / Предисл. И. А. Ревякиной; подг. текста и прим. Ю. Шеррер, И. А. Ревякиной, Н. С. Антоновой и Н. В. Дроздовой // М. Горький. Неизданная переписка. М., 2000. С. 49.

²⁸ Письма М. Горького к В. И. Ленину / Предисл. И. А. Ревякиной, публ. и примеч. И. А. Ревякиной и И. Н. Селезневой // Неизвестный Горький. Горький и эпоха. Мат-лы и исследования. Вып. 3. М., 1994. С. 26.

²⁹ См. также: *Спиридонова Л. М.* Горький: диалог с историей. М., 1994. С. 171.

³⁰ *Богданов А. А.* Десятилетие отлучения от марксизма. С. 130.

В 1910-е гг. большое место в творчестве Горького занимает публицистика³¹. Многие горьковские работы этого периода не были переизданы в советские годы, т.к. в статьях Горького второго десятилетия XX в. представлен свободный от ортодоксальности взгляд художника на современные ему события. Это не вписывалось в догматическую концепцию советской науки о Горьком — «пролетарском писателе», и возможно, это объяснялось тем, что в этот период была очевидной рецепция идей Богданова в публицистическом творчестве Горького.

Наиболее значимый аспект, в котором прослеживается сходство взглядов писателя и философа в 10-е г. XX в. — это пролетарская культура, потому чрезвычайно интересно сопоставление предисловия Горького к первому сборнику пролетарских писателей (1914) и работы Богданова «Культурные задачи нашего времени» (1911), а также главы из «Юбилейного сборника» (1914), в которой философ продолжает свои размышления о путях развития пролетарской культуры³².

Богданов утверждает, что «в своем точном и полном значении слово «культура» охватывает всю сумму приобретений, материальных и нематериальных, которые сделаны человечеством в процессе труда и которые возвышают, облагораживают его жизнь, давая ему власть над стихийной природой и над самим собою»³³.

В «Юбилейном сборнике» Богданов обосновывает возможность пролетарского искусства, споря с теми, кто скептически к этому относится. Однако рассуждения философа о культуре, искусстве отличаются явным рационализмом: «Искусство является и орудием общения людей, и средством собирания, систематизации их опыта»³⁴, или более категорично: «Искусство — одна из идеологий класса, элемент его классового сознания; ...организационная форма классовой жизни, способ объединения и сплочения классовых сил»³⁵. О стихотворении молодого рабочего Богданов пишет: «это — *организационный акт*, спаивающий прочнее звенья живой цепи, закрепляющий единство трудовой рати». Основной мотив, отличающий новое искусство от старого — «товарищество»³⁶.

³¹ Семенова А. Л. Рецепция идей А. Богданова в публицистике М. Горького 1910-х годов. С. 236–246.

³² Впервые фрагмент текста из «Юбилейного сборника» был опубликован в книге А. Богданова «О пролетарской культуре». Л.; М., 1924.

³³ Богданов А. Культурные задачи нашего времени. М., 1911. С. 3.

³⁴ Там же. С. 14.

³⁵ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма... С. 73.

³⁶ Там же. С. 80.

Горький более эмоционален, когда рассуждает о причинах возникновения и развития пролетарской культуры: «Стремление выразить в красивых формах свои ощущения, чувства, мысли свойственно каждому человеку; это стремление должно все более напряженно развиваться в душе пролетариата, который, по мере роста интеллектуальных сил, будет все с большей и мучительной ясностью чувствовать свою коллективную драму и драму своих единиц...» (XXIV, с. 169).

Однако главное различие во взглядах на пролетарскую культуру у Горького и Богданова объясняется тем, что первый — художник, а второй теоретик. Исключительный рационализм Богданова, безусловно, не мог разделять Горький. В письме Г. Алексинскому в 1911 г. он писал о Богданове: «Мне кажется, что он, по натуре своей — не революционер, а систематик, человек с высоко развитым стремлением к синтезу и, как всякий такой человек, — консервативен и догматичен» (IX, с. 47).

И если для Богданова «прежний художник видел в своем труде выявление своей индивидуальности; новый поймет и почувствует, что в нем и через него творит великое целое — коллектив. Для первого оригинальность есть выражение самооценности его «я», средство его возвеличения; для второго она означает глубокий и широкий захват коллективного опыта»³⁷, то горьковский подход иной: «Настоящее искусство возникает там, где между читателем и автором образуется сердечное доверие друг к другу. Дело писателя — излить в мир, на люди, все, чем переполнено вместилище его впечатлений, называемое душою» (XXIV, с. 171).

В публицистике Горького 1910-х гг. также часто встречаются такие богдановские идеи, которыми писатель активно пользовался еще в публицистике предшествующего десятилетия: «дробление человека» в современном анархически организованном обществе, «собираание человека» на основе единства опыта, наука как способ интеграции интеллектуальных сил человечества, взгляд на пролетариат как организованный условиями труда коллектив.

«Явно растущие признаки вырождения, вызываемые условиями труда в современном обществе, превращение человека в механизм, дробление личности...»³⁸, — писал Горький в цикле «Издалека». Статьи этого цикла публиковались в «Запросах жизни» и «Современнике» в 1911–1912 гг., когда сам автор находился на Капри. И в этом же цикле статей, рассуждая о стремлении современных ему писателей обратиться к темам народного творчества, Горький скептически замечал:

³⁷ Богданов А. О пролетарской культуре. С. 197.

³⁸ Горький М. Несобранные литературно-критические статьи / ред., введ. и прим. С. М. Брейтбурга. М., 1941. С. 442.

«Но старые “спетые песни” для их новой обработки требуют от художника такой же силы воображения, какую обладал примитивный творец мифа и легенды — коллектив. Этих сил не может быть у раздробленного человека наших дней, душа его не настолько глубока, чтобы родить Прометея»³⁹. Эта мысль была глубоко раскрыта писателем еще в статье «Разрушение личности». В статье «Еще о “карамазовщине» (1913) Горький варьирует эту мысль: «Наша текущая литература, посылно отражая процесс дробления русской души, не позволяет надеяться на то, что художник-гений уже скоро явится среди нас» (XXIV, с. 155).

Идея организации одна из ключевых в рассуждениях Горького в уже упомянутом цикле статей. Одну из них писатель начинает риторическим вопросом: «Газеты принесли известие, что в Петербурге возникает новое литературное общество — “Петербургское общество литераторов и ученых”. А когда же возникнет “Всероссийское общество литераторов и ученых”, организация, как нельзя более необходимая в разноплеменной стране и в наше смутное время?»⁴⁰

Далее писатель размышляет о том, что главная задача современной ему литературы быть организующей силой страны. Поэтому так необходимо, по его мнению, «строительство всероссийской организации литераторов и ученых». Он утверждает: «Общеимперская организация культурных сил необходима со всех точек зрения...»⁴¹ Причины этого, по мнению Горького, таются в том, что «мы, все-таки, живем в стране, где слишком мало организующих идей и нет социальных традиций...»⁴². (В статье 1913 г. «Еще о “карамазовщине”» автор говорил, что наметившийся «подъем настроения» «требует организующих идей») (XXIV, с. 156).) Далее он развивает эту мысль: «А между тем с каждым днем все растет и растет необходимость для нас организовать свои силы, свой опыт, свои желания; с каждым днем все более грозно наше положение извне и внутри страны»⁴³.

Следует обратить внимание на одну важную деталь. Свои размышления о необходимости создания всероссийской организации литераторов и ученых писатель заканчивает лозунгом, в котором масштабы организации получают максимально расширительный смысл: «Пред русской интеллигенцией стоят задачи огромной важности и прежде всего задача ее организации»⁴⁴.

³⁹ Там же. С. 445.

⁴⁰ Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. С. 408.

⁴¹ Там же. С. 409–410.

⁴² Там же. С. 414.

⁴³ Там же. С. 449.

⁴⁴ Там же.

Думается подобный пафос неслучаен, т. к. Богданов в работе «Культурные задачи нашего времени» писал, что «духовная культура» — это то, что «всего точнее обозначается как “идеология”, общественное сознание людей»⁴⁵, и продолжал свою мысль: «Идеология <...> выступает как о р г а н и з у ю щ а я ф о р м а социально-трудовой жизни»⁴⁶. Горький понимал, что именно русская интеллигенция потенциально являлась реальной идеологической силой российского общества начала XX в., однако разрозненная и увлеченная внутривластными полемиками, по мнению писателя, она не способна была реализовать, заложенные в ней потенции. В статье «О писателях-самоучках», опубликованной в журнале «Современный мир» № 2 за 1911 г., Горький сетовал: «Снова надобно работать над организацией масс <...>. Партийным людям следовало бы внимательно посмотреть на самих себя с точки зрения пригодности своей к новой работе, к новым запросам времени и потребностям масс» (XXIV, с. 145).

В статье «О дураках и прочем» Горький замечает, что «распад идеологии всегда является и распадом социальной морали, ибо всякая идеология обязывает носителей ее к известной линии социального и личного поведения, устанавливает тот или иной взгляд, то или иное отношение к жизни, к человеку. Идеология — организует»⁴⁷.

Очевидно, что именно в 1910-х гг. кроются истоки того, что в тридцатые годы Горький пошел на сотрудничество со Сталиным и активно занялся подготовкой Первого съезда советских писателей. Для Горького это стало осуществлением его заветной мечты, т. к. он предполагал, что организованный коллектив творческих личностей будет способен противостоять диктатуре одного человека. Он не учел того, что для Сталина Союз писателей стал бюрократической машиной, с помощью которой можно было подчинить себе литературу.

Идея «собрания человека» была также использована Горьким чрезвычайно активно. Личность для Горького «есть горящая вершина огромной пирамиды опыта; чем шире ее основание, тем более она вовлекает в себя этот живой опыт, тем ярче, неугасимее и прекраснее ее горение»⁴⁸. В этом метафорическом пассаже писателя явно проглядывает мысль Богданова о том, что «когда в опыте каждого имеется уменьшенное, но верное и гармоничное отражение опыта всех, когда

⁴⁵ Богданов А. Культурные задачи... С. 3.

⁴⁶ Там же. С. 9.

⁴⁷ Горький М. О дураках и прочем // Горький М. Статьи 1905–1916 гг. 2-е изд. Пг., 1918. С. 206.

⁴⁸ Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. С. 434.

в переживаниях другого никто не находит ничего принципиально недоступного и непонятного <...> тогда жизнь может свободно расширяться во всяком данном направлении, не уродуясь, не искажаясь, не делаясь болезненно-односторонней»⁴⁹.

Мысль же Богданова о том, что только «всеобщие товарищеские отношения и полное взаимное понимание людей означают уничтожение общественных противоречий и антагонизмов»⁵⁰ получает у Горького следующую интерпретацию: «А чтоб это будущее, более свободное и ясное, приблизилось к нам, мы должны сливать воли наши во единую силу и, взаимно поддерживая друг друга, строиться в плотные крепкие ряды, по единству мысли, единству мироощущения, единству целей...»⁵¹

Идею «собрания человека» Горький разделял не только на словах, но и на деле. Большинство его проектов конца 1900 — начала 1910-х гг.: организация на Капри школы для рабочих, планы издания энциклопедий для народа по различным отраслям знания, — были ориентированы на это (XXIX, с. 62). Подобная же программа была сформулирована Богдановым в «Культурных задачах нашего времени». И писатель, и философ оставались верны тем замыслам, которые рождались в период их тесного сотрудничества. Этим во многом объясняется энтузиазм, с которым Горький развернул планы издательской деятельности после Октября 1917 г.

Журнал, который Горький стал издавать с 1916 г., он назвал «Летопись». Как известно, русские летописи проникнуты определенной идеологической тенденцией, т.к. летописцы с точки зрения религиозно-социального идеала стремились объективно описать события. К тому же летопись, по определению Д. С. Лихачева, — «объединяющий жанр»⁵². Как писал Горький: «Сейчас необходим орган, который питал бы провинцию и вообще Русь идеями, способными организовать общественное сознание»⁵³. В этом журнале сотрудничал и Богданов.

В 1910-х гг. Горький работал над своей автобиографической повестью «Детство», тогда же он пишет и биографию Шалапина. Эти произведения убедительно показывали реальные пути формирования

⁴⁹ Богданов А. А. Вопросы социализма. С. 44.

⁵⁰ Там же. С. 45.

⁵¹ Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. С. 468.

⁵² Литература и культура Древней Руси. Словарь-справочник / Под ред. В. В. Кукова. М., 1994. С. 78.

⁵³ Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1907. Большевицские и общедемократические издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1984. С. 202.

«нового человека», который своим трудом, самообразованием творит собственную судьбу.

В этот период в категориях богдановской философии Горький строит свои философско-религиозные рассуждения. В статье «Еще о “карамазовщине”», опубликованной в «Русском слове» 27 октября 1913 г., он пишет: «Бог — есть комплекс тех, выработанных племенем, нацией, человечеством идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм». Неслучайно Ленин в этом высказывании писателя увидел «богдановский идеализм»⁵⁴. При перепечатке статьи в сборнике статей «Статьи 1905–1916» Горький исключил этот абзац из текста⁵⁵.

Размышляя об исторических путях иудаизма во вступительном очерке к изданию «Легенда об Агасфере — Вечном жиде» (Пг., 1919), Горький пишет: «Многобожие дробило волю и разум человека, расчленяло его душу <...> это дробление души затрудняло развитие следующей критической мысли, организацию наблюдения и опыта жизни, — ту организацию духа, которая развившись позднее, дала человеку возможность <...> уложить наблюдения свои в строгие формы науки о природе, науки, которая ныне делает нас подлинными хозяевами жизни, позволяет нам поработать стихийные энергии и пользоваться ими для облегчения трудной нашей жизни. Перейдя от многобожия к единобожию, еврейская мысль оказала человечеству величайшую услугу, — она организовала раздробленный, рассеянный разум в единое целое, в самостоятельную творческую силу, которая ныне властно стоит над слепой игрой стихийных сил»⁵⁶. Таким образом, Горький выразил социально-историческое значение иудаизма как одной из монотеистических религий. Подобная оценка — результат собственных философско-религиозных исканий писателя, ставшего апологетом новой религии Человека-творца.

Наконец, отметим, что в полемике Богданова с Лениным об относительности-абсолютности истины Горький встал на сторону Богданова. «Ленин в книге своей — таков. Его спор “об истине” ведется не ради торжества ее, а лишь для того, чтобы доказать: “я марксист!... Как хороший практик — он ужаснейший консерватор”. “Истина незыблема” — это для всех практиков необходимое положение, и если им сказать, что, мол, относительно всякая истина — они взбесятся, ибо

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1982. Т. 48. С. 321–322.

⁵⁵ Барахов В. С. Драма Максима Горького (Истоки, коллизии, метаморфозы). М., 2004. С. 140.

⁵⁶ Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. С. 295.

не могут не чувствовать колебания почвы под ногами», — так писал Горький Богданову в 1909 г. (VII, с. 138).

В цикле «Издавека» Горький пишет неоднократно: «Для меня нет решенных вопросов, нет незыблемых истин...»⁵⁷, «а смысл и радость бытия — в непрерывном стремлении к новым истинам и новой красоте»⁵⁸. В предисловии к «Легенде об Агасфере» писатель также утверждает: «...Вечных истин нет, кроме одной, неоспоримо-вечной, — необходимости для нас стремиться к познанию тайн жизни»⁵⁹.

События 1917–1918 гг. нашли отражение в цикле газетных публикаций Горького «Несвоевременные мысли», которые увидели свет в газете «Новая жизнь», издаваемой писателем. Как отмечает современная исследовательница творческого наследия Горького, «если прочитать одну за другой все 60 статей Горького, опубликованных в “Новой жизни” за четырнадцать месяцев существования газеты, можно понять и убедиться, как быстро менялось отношение писателя к “народной” революции под влиянием того, что он наблюдал...»⁶⁰ Однако эти изменения будут отражать определенное мировоззренческое постоянство писателя, не изменившего своему кредо, сформировавшемуся в 1900-е гг.

С этих революционных лет во всей последующей горьковской публицистике будет звучать постоянный рефрен: новый мир, новый быт, новый человек. С одной стороны, это несомненный отсыл к известной работе Богданова «Новый мир», с другой — это актуализация популярного в русской публицистике еще в 1900-е гг. антропологического мифа⁶¹.

Основные мотивы авторских размышлений близки идеям Богданова и касаются различных аспектов. Публицист постоянно говорит о ценностях культуры, подчеркивает важность сохранения культурного достояния, с одной стороны, и воплощения идеи «пролетариат — творец новой культуры» (НМ, с. 93)⁶², с другой. Горький пишет об организации/неорганизованности российской действительности (НМ, с. 132, 139, 140), призывает к «самоорганизации

⁵⁷ Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. С. 434.

⁵⁸ Там же. С. 451.

⁵⁹ Там же. С. 297.

⁶⁰ Горький в журнале «Коммунистический интернационал» / Публицистика М. Горького в контексте истории / Вст. ст., послесл. и примеч. Л. Н. Смирновой. М., 2007. С. 383.

⁶¹ Семенова А. Л. Русская философская публицистика начала XX века: утопия радикального обновления. В. Новгород, 2010.

⁶² Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990, — с указанием страниц в скобках.

всей интеллигенции» для культурной работы: «Задача культуры — развитие и укрепление в человеке социальной совести, социальной морали, разработка и организация всех способностей, всех талантов личности» (НМ, с. 128), потому что «смысл жизни и оправдание всех мерзостей ее только в развитии всех духовных сил и способностей наших» (НМ, с. 101). В условиях революционной анархии писатель неустанно повторяет о важности разумного начала и труда в социальном прогрессе (НМ, с. 214).

Одним из важных аспектов, в котором можно проследить рецепцию богдановских идей, стало размышление Горького о том, что социальная борьба прогрессивна лишь в формах борьбы организованного человечества со стихиями природы: «высшая форма борьбы за существование, — борьба человека с природой» (НМ, с. 141), нужно способствовать «дальнейшему подчинению сил природы интересам человека» (НМ, с. 181, 214, 215).

Можно утверждать, что «Несвоевременные мысли» стали своеобразной призмой, сквозь которую преломились идеи, выражающие мировоззрение писателя. Революционные события он описывает и критикует с точки зрения своего кредо. Отталкиваясь от своих жизненных принципов, он намечает пути общественного развития «новой» России. Примирение с большевиками, а позднее — со Сталиным, было обусловлено верой Горького, что именно этот путь ведет к осуществлению социального идеала писателя: «Подлинную революционность я почувствовал именно в большевиках, в статьях Ленина, в речах и работе интеллигентов, которые шли за ним» (XXIV, с. 439).

Советский период жизни и творчества писателя точно охарактеризовала Н. Н. Примочкина: «Разлад с самим собой, чудовищный разрыв между сердечными привязанностями и чувством общественного долга — все это делает его фигуру трагической»⁶³. Однако несмотря на это в текстах Горького и в этот период прослеживаются идейные константы.

Реминисценция идей Богданова присутствуют в публицистической брошюре Горького «О русском крестьянстве». Она вышла в Берлине в издательстве И. П. Ладыжникова в 1922 г. и в советское время более не переиздавалась.

«Если в цикле статей 1917–1918 годов “Несвоевременные мысли” он был непримиримо строг к революционерам-большевикам, возлагал в первую очередь на них ответственность за кровавый террор, грабежи, разруху и голод, то в брошюре “О русском крестьянстве” писатель всю

⁶³ Примочкина Н. Н. Писатель и власть // М. Горький в литературном движении 20-х годов. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 1998. С. 11.

вину за эти отвратительные “гримасы” революции перекладывает на крестьянство...»⁶⁴ — отмечает Н. Н. Примочкина.

В публицистическом тексте 1922 г., действительно, проявилось желание пролетарского писателя постичь истоки жестокости русской революции, при этом не вставая на какую-либо политическую позицию непримиримых врагов: красных или белых. Автор придерживается гуманистического, даже можно сказать — пацифистского взгляда на трагические события в родной стране: «Я спрашивал активных участников гражданской войны: не чувствуют ли они некоторой неловкости, убивая друг друга? Нет, не чувствуют» (ОРК, с. 20)⁶⁵.

Один из ключевых тезисов Горького: противопоставление западного человека/горожанина/рабочего — «человека деяния» (ОРК, с. 11), — русскому крестьянину /народу — пассивному «страдальцу»⁶⁶: «В русском крестьянине как бы еще не изжит инстинкт кочевника, он смотрит на труд пахаря как на проклятие Божье и болеет “охотой к перемене мест”. У него почти отсутствует — во всяком случае, очень слабо развито — боевое желание укрепиться на избранной точке и влить в окружающую среду в своих интересах, если же он решается на это — его ждет тяжелая и бесплодная борьба. Тех, кто пытается внести в жизнь деревни нечто от себя, новое — деревня встречает недоверием, враждой и быстро выжимает или выбрасывает из своей среды» (ОРК, с. 6–7).

В самом начале статьи писатель утверждает, что «всякий народ — стихия анархическая» (ОРК, с. 5), а затем определяет русское крестьянство как находящееся «в зоологической естественности анархизма» (ОРК, с. 6). Идея анархически организованного авторитарного общества — одна из центральных в работах Богданова, т. к. при таком общественном устройстве неизбежный результат — раздробленный человек.

Пересоздание природы, творчество культурных ценностей и цивилизационных благ характерны для человека Запада, для горожанина, для пролетария. Раскрывая эту идею, Горький пользуется терминологией Богданова: «Вся земля Европы тесно покрыта грандиозными воплощениями *организованной воли* людей, — воли, которая поставила себе гордую цель: *подчинить стихийные силы природы разумным интересам человека*. Земля — в руках человека, и человек действительно владыка ее (курсив мой. — А. С.)» (ОРК, с. 11).

⁶⁴ Там же. С. 18.

⁶⁵ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: *Горький М. О русском крестьянстве*. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1922, — с указанием страниц в скобках.

⁶⁶ В этом, несомненно, очевидна перекличка со статьей писателя «Две души».

Писатель подчеркивает, что «для интеллекта процесс творчества важен сам по себе; интеллект глуп, как солнце, он работает бескорыстно» (ОРК, с. 12).

«Труд горожанина разнообразен, прочен и долговечен, — размышляет Горький. — Из бесформенных глыб мертвой руды он создает машины и аппараты изумительной сложности, одухотворенные его разумом, живые. Он уже подчинил своим высоким целям силы природы, и они служат ему <...>. Он создал вокруг себя атмосферу разума — “вторую природу”...»

Однако явное расхождение с идеями автора «Эмпириомонизма» можно наблюдать в дальнейшем пассаже писателя: «Он (горожанин — А. С.) всюду видит свою энергию воплощенной в разнообразии механизмов, вещей, в тысячах книг, картин, и всюду запечатлены величавые муки его духа, его мечты и надежды, любовь и ненависть, его сомнения и верования, его трепетная душа, в которой неугасимо говорит жажда новых форм, идей, деяний и мучительное стремление вскрыть тайны природы, найти смысл бытия» (ОРК, с. 10).

Любые метания духа, поиски смысла бытия Богданов не принимал и считал, что «проклятые вопросы» — порождением дробления человека, специализации его опыта, т.к. дуализм сознания — представление о духовном и телесном — обрекает человека на мучительные и бесплодные поиски ответов на очевидные для философа неразрешимые «проклятые вопросы». Богданов считал, что «реальный жизненный базис» этого «господство стихийных общественных отношений над личностью и ее судьбою»⁶⁷.

По мысли Горького, для западного человека характерна преемственность поколений, и она наделяет человека европейской цивилизации чувством «своей личной значительности как наследника чудес, труда и творчества предков» (ОРК, с. 8), что можно определить в терминологии Богданова, как «собрание человека». Однако далее Горький пишет: «Дух которого идет в безграничье будущего, куда-то к сердцу космоса или в холодную пустоту вселенной, которую он — может быть — заполнит эманацией своей психофизической энергии, создав — со временем — нечто не доступное представлениям разума сегодня» (ОРК, с. 11). Устремленность в будущее была свойственна и Богданову — автору фантастических произведений: «Красная звезда», «Инженер Мэнни», «Праздник бессмертия», но интерпретация будущего у писателя была совершенно иной: это было художественное воплощение философских умозаключений, иллюстрации к идее эмпириомонизма.

⁶⁷ Богданов А. Новый мир. С. 87.

Человек западной цивилизации для Горького — горожанин, и сам город писатель характеризует пафосно и весьма эмоционально: «Город, неугасимый костер требовательной, все исследующей мысли, источник раздражающих, не всегда понятных явлений и событий» (ОРК, с. 44), «мастерская, где непрерывно вырабатываются новые идеи, машины, вещи, назначение которых — облегчить и украсить жизнь народа» (ОРК, с. 45). Поэтому, по глубокому убеждению автора, горожанин несмотря на власть государства «остается внутренне свободен, — именно силой этой свободы духа он разрушает изжитые формы жизни и создает новые» (ОРК, с. 10).

Человек западной цивилизации, горожанин, интеллигент, рабочий — эти понятия в тексте размышлений о русском крестьянстве воспринимаются как синонимичные, и они наделены безусловными положительными коннотациями, потому что это эти социальные группы близки к достижению горьковского идеала: их труд строится на знании, на собирании опыта, на максимальной социализации своей деятельности, которая способствует общественному прогрессу.

Отрицательные и глубоко критические суждения автор адресует русскому крестьянству, подчеркивая «подозрительное и недоверчивое отношение деревни к городу <...> как сложной организации хитрых людей, которые живут трудом и хлебом деревни, делают множество бесполезных крестьянину вещей, всячески стремятся обмануть его и ловко обманывают» (ОРК, с. 33).

Горький раскрывает различные стороны жизни русского крестьянства, подчеркивает характерные его черты.

Собственничество: «Тяжесть труда, в связи с ничтожеством его результатов, углубляет в крестьянине инстинкт собственности, делая его почти не поддающимся влиянию учений, которые объясняют все грехи людей силой именно этого инстинкта» (ОРК, с. 10).

Пассивность: «Выйдет крестьянин за пределы деревни, посмотрит в пустоту вокруг него, и через некоторое время чувствует, что эта пустота влилась в душу ему. Нигде вокруг не видно прочных следов труда и творчества» (ОРК, с. 8), поэтому «человек насыщается чувством безразличия, убивающим способность думать, помнить пережитое, вырабатывать из опыта своего идеи!» (ОРК, с. 9). Словами Богданова, не происходит путём труда и познания возвышения индивидуального организованного опыта до организованного социально.

Отсутствие исторической памяти: «Русское крестьянство не знает своих героев, вождей, фанатиков любви, справедливости, мести» (ОРК, с. 14), — так считает Горький, а потому и нет единства социальной памяти у народа, поэтому писатель приводит цитату иностранца: «У этого народа нет исторической памяти. Он не знает свое прошлое и даже как будто не хочет знать его» (ОРК, с. 15).

Социальный индифферентизм: Русское крестьянство, привыкшее жить замкнутым миром собственного хозяйства, лишено чувства социальной солидарности. Писатель отмечает отсутствие сострадания к тем, кто оказался в нужде, отсутствие желания помочь голодающему. Крестьянство оказывается асоциальным, т.к. «жизнь крестьянства — горе и грубые радости деревни, слепота разума и жестокость чувства» (ОРК, с. 25–26).

Жестокость: Немало примеров чудовищной жестокости приводит Горький в своих размышлениях о гражданской войне и еврейских погромах, при этом он считает, что «русскому народу исключительно <...> свойственно чувство особенной жестокости» (ОРК, с. 17), и причины этого явления видит в том, что «на развитие затейливой жестокости влияло чтение житий святых великомучеников, — любимое чтение грамотеев в глухих деревнях» (ОРК, с. 18).

Религиозный индифферентизм: «Существует мнение, что русский крестьянин как-то особенно глубоко религиозен. Я никогда не чувствовал этого, хотя, кажется, достаточно внимательно наблюдал духовную жизнь народа» (ОРК, с. 28). По мнению писателя, «революция вполне определенно доказала ошибочность убеждения в глубокой религиозности крестьянства в России» (ОРК, с. 28–29). С нескрываемым разочарованием, писатель отметит, что «разрушение глубоко чтимых народом монастырей — древней Киево-Печерской лавры и сыгравшего огромную историческую и религиозную роль Троице-Сергиевского монастыря — не вызвало в крестьянстве ни протестов, ни волнения», «когда провинциальные советы вскрывали “нетленные”, высоко чтимые народом мощи, — народ отнесся и к этим актам совершенно равнодушно, с молчаливым, тупым любопытством» (ОРК, с. 29–30).

По мнению Горького, вера сопряжена с поисками ее, с привычкой мыслить, рассуждать. Ведь «путь к твердой, глубокой вере лежит через пустыню неверия», — убеждает писатель (ОРК, с. 28).

Нигилизм: религиозный индифферентизм, «слепое недоверие к поискам мысли, к ее работе» или «скептицизм невежества» рождает в народе отрицание существующих форм общественной организации, что, по наблюдениям писателя, наиболее ярко выразилось в жизни сектантов: «В стремлении сектантов обособиться, отойти в сторону от государственной церковной организации мною всегда чувствовалось отрицательное отношение не только к обрядам и — всего меньше — к догматам, а вообще к строю государственной и городской жизни. <...> Это просто пассивное и бесплодное отрицание явлений и событий, связей и значений которых мысль, развитая слабо, не может понять» (ОРК, с. 28).

В размышлениях о судьбах крестьянства Горький в начале 1920-х гг. неоригинален. Все эти черты, свойственные, по его убеждению, русскому крестьянству, он безжалостно обличал в «окуровских повестях», адресуя их второму по численности сословию России — мещанству⁶⁸.

Принципиально изменилось отношение Горького к интеллигенции. Если в повестях об уездном Окурове, который символизировал всю Россию рубежа XIX–XX в., интеллигенция рисовалась как «омещанившаяся», и писателю в то время было свойственно проводить параллель между русским мещанством и русской интеллигенцией, то в послеоктябрьский период звучит тревога за судьбу интеллигенции, за интеллектуальный потенциал новой России: «Почти весь запас интеллектуальной энергии, накопленной Россией в XIX веке, израсходован революцией, растворился в крестьянской массе. Интеллигент, производитель духовного хлеба, рабочий, творец механизма городской культуры, постепенно и с быстротой, все возрастающей, поглощается крестьянством, и оно жадно впитывает все полезное ему, что создано за эти четыре года бешеной работы. Теперь можно с уверенностью сказать, что, ценою гибели интеллигенции и рабочего класса, русское крестьянство ожило» (ОРК, с. 43).

В конце статьи звучат важные для русской публицистики начала XX в. мифологемы антропогонии (старое/новое): «Крестьянство уже едва ли может возвратиться к старым, в прах и навсегда разбитым формам жизни <...>; вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень <...> и их заменит новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей» (ОРК, с. 43–44).

Однако писатель сдержан в своем оптимизме, считая, что русское крестьянство «на первой поре строительства новой жизни» не готово будет к активной «переоценке ценностей», что социальные пороки его будут преодолеваться долго и болезненно, потому «город <...> не скоро заслужит справедливую оценку <...> не скоро будет понят им» (ОРК, с. 44–45).

По мнению Н. Н. Примочкиной, «недоверчивое, часто несправедливое отношение к русскому крестьянству составило одну из самых трагических ошибок писателя»⁶⁹. С этим сложно не согласиться, но важно подчеркнуть, что в этих заблуждениях писателя была своя логика развития идей: позитивистскому идеалу «собираания человека» явно не соответствовал русский крестьянин со своим многовековым укладом жизни, далеким от ценностей городской,

⁶⁸ См.: Семенова А. Л. «Окуровская Русь» М. Горького.

⁶⁹ Примочкина Н. Н. Писатель и власть. С. 19.

западной цивилизации (в расширительном смысле этого понятия), и Горький не мог этого не чувствовать.

«Вот схема моих впечатлений и мыслей о русском народе» (ОРК, с. 45), — так заканчивает свои рассуждения Горький. И эта концовка, несомненно, парадоксальна, ведь начинал он рассуждать о русском крестьянине, а в итоге суду подлежал весь русский народ. Очевидная противоречивость и идейная полифония отличают этот горьковский текст, который был написан с искренним желанием постичь душу русского крестьянства. Размышления о русском национальном характере в горьковской брошюре, о «двух душах» получили своеобразную интерпретацию в начале 1920-х гг. в проекции идей «единства опыта» Богданова.

Публицистика 1920–1930-х гг. во многом продолжает те идеи, что были прежде важны для автора. Темы публицистических высказываний «буревестника революции» многообразны, но в многочисленных статьях автора, в большинстве своем опубликованных в центральных советских газетах — «Правда», «Известия» — звучат реминисценции богдановских идей.

Горький неоднократно возвращается к теме «нового человека», идеал которого теперь ему кажется достижимым. И в этих горьковских размышлениях звучат явные аллюзии на «собрание человека» Богданова. Писатель утверждает: «Человек должен быть выше и шире своей работы, тогда его работа будет лучше» (XXIV, с. 315). Здесь явный перифраз богдановской идеи о преодолении специализации, которая способствует «дроблению человека». По мысли публициста, это важно, чтобы «в каждой отрасли труда и творчества, несмотря на различие индивидуальностей, была ясно видна и чувствовалась эта дружная, коллективная, единая сила, творящая новый мир» (XXIV, с. 323).

Тема «организации» раскрывается в политическом аспекте — «государство как организацию людей единой цели, а не как анархическое и механическое соединение единиц, разбитых на враждебные классы и касты» (XXIV, с. 289), в идеологическом — «организованная учением Маркса и Ленина энергия передовых отрядов рабочих и крестьян ведет за собою массу трудового народа Союза Советов к цели <...> создать новый мир» (XXV, с. 226), в социальном — «организация нового быта» (XXIV, с. 304), в искусствоведческом — «мышление литератора образами есть ни что иное, как техника организации трудового опыта в формы слова и образа» (XXVI, с. 337).

Тема «сотрудничества всех честных граждан республики нашей» (XXIV, с. 292), важна потому, что «возрастает повсюду товарищеская мощь — их творческая мощь» (XXIV, с. 390). Горький пишет: «Надо

овладеть умением создавать вещи; это умение дадут нам две силы — знание и труд...» (XXIV, с. 203), а условие создания нового государства, по мнению публициста, — «великое дело поглощения мирового опыта общечеловеческого знания, науки» (XXIV, с. 209, 211).

Для Богданова «*сотрудничество поколений* в обществе» — «средство завоевания природы, ее организации для человечества»⁷⁰. В послеоктябрьской публицистике Горького продолжает звучать тема борьбы с природой, которая интерпретируется как враг Человека (XXIV, с. 270, 277, 290, 292). В отличие от хищнического капиталистического отношения к природе для рабоче-крестьянской власти важен «процесс подчинения всех энергий природы интересам трудовой массы» (XXIV, с. 455). Горький пишет: «Трудом своим человек убеждается, что вне его разума и воли нет никаких чудесных сил, кроме стихийных сил природы, которыми он должен овладеть для того, чтобы они, служа его разуму и воле, облегчили его труд и жизнь» (XXIV, с. 292). В 1931 г. Горький опубликовал в «Правде» статью «О борьбе с природой», в которой размышлял о важности борьбы с засухой (XXVI, с. 186–198). Показательна и статья «Привет создателям Днепростроя!», где автор, воодушевленный покорением Днепра пишет: «Социалистически организованный разум людей побеждает стихию и победит ее, какова бы она ни была» (XXVI, с. 366).

Богданов стремился преодолеть отвлеченный рационализм и произвол целеполагания, потому он говорил о том, что по существу «из бесчисленных логических возможностей только одна равняется реальности» и что «нормы целесообразности — не игра мышления, а определенные *формы жизни*». При этом «они соответствуют гармоническому развитию жизни и имеют его своей предпосылкой. <...> Цели, которым служат эти нормы, при всем своем конкретном разнообразии, сливаются в высшем единстве *социально-согласованной борьбы за счастье*, борьбы за все, что жизнь и природа могут дать для человечества»⁷¹. Т. о. нормы целесообразности освобождают человека от господства принудительных норм буржуазного, анархического, общества, но реализоваться они могут лишь при условии преобразования человеческого сообщества на социалистических началах.

Горький, обращаясь к советским труженикам, убеждал: «Необходимо, чтобы каждая единица рабочей массы чувствовала, как неиссякаемый источник социалистически организованной энергии усиливает и развивает даровитость и талантливость единицы, ее волю к труду

⁷⁰ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 171.

⁷¹ Богданов А. Новый мир. С. 48–49.

и творчеству и как единица-личность возвращает эту заимствованную энергию в общий поток героической работы коллектива» (XXV, с. 394). По мнению публициста, важно «создать для всех людей и для каждой единицы свободные условия развития своих сил и способностей» (XXV, с. 227).

Одна из последних статей писателя так и называлась «О новом человеке» (1935). Горький писал: «Чем разнообразнее таланты и дарования людей, тем более ярко горит жизнь, тем богаче она фактами творчества, тем быстрее ее движение к великой цели — организации всего мира трудящихся на новых коммунистических началах» (XXVII, с. 485). И продолжал свою мысль — «нужно воспитывать друг друга как вместилища равноценной энергии — равноценной, но не равномерно развитой». По убеждению Горького, в СССР «все граждане должны заботиться о том, чтобы каждый из них до конца развил и полностью выявил свои способности» (XXVII, с. 486).

Немецкий исследователь Х. Гюнтер назвал свое исследование о творчестве Горького «Социалистический сверхчеловек. Максим Горький и советский героический миф»⁷², и нельзя не согласиться, что в публицистике Горького советского периода продолжали звучать идеи «нищезанского марксизма» 1900 гг., сформулированные писателем в логических категориях эмпириомонизма Богданова.

Однако взгляд на религию и веру, разделивший писателя и философа в 1910-е гг., оказывается значим для Горького и в 1920-е гг. Он пишет о современной ему советской действительности, что это «опыт осуществления идей социализма, опыт воплощения в жизнь той теории, которую можно назвать религиею трудящихся» (XXIV, с. 195), а главный действующий герой — «честный работник мира сего», «богостроитель». Горький делает в статье оговорку, что так он назвал этот идеал в годы реакции (1907–1910) (XXIV, с. 292).

«Я вижу, что процесс создания новой действительности у нас, в Союзе Советов, развивается с удивительной быстротой, вижу, как хорошо, творчески вливается в жизнь новая энергия — энергия рабочего класса, и я верую в его победу. Верую, потому что — знаю» (XXIV, с. 441), — искренне и несколько наивно убеждал писатель своих читателей.

Именно идея собирания опыта вдохновила писателя на создание автобиографической трилогии — «Детство», «В людях», «Мои университеты», а роман о Климe Самгине задумывался как роман о раздробленности жизни интеллигента-индивидуалиста, нигилиста и мещанина по своим духовным запросам.

⁷² Gunter H. Der sozialistische Übermensch. Maksim Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos / H. Gunter. Weimar: Metzler, 1993.

В данной статье обозначен круг идей, в которых явно прослеживается взаимосвязь творчества Горького с философскими идеями Богданова. В «Несвоевременных мыслях» Горький признавался: «Весьма вероятно, что мои мысли “наивны”, я уже говорил, что считаю себя плохим публицистом...» (НМ, с. 125). Думается, что в этой самохарактеристике есть определенная объективность: публицистические тексты писателя отличались некоторой противоречивостью суждений, а также излишней эмоциональностью. Богдановская терминология позволила Горькому логически оформить те мысли, которые были важны и для него самого.

Рецепция идей Богданова в творчестве Горького не носила механического характера, это ни в коей мере не было «ученичеством» у крупного мыслителя. Подобное горьковское обращение к идеям оригинального русского мыслителя было закономерным и во многом было предопределено эволюцией мировоззренческих исканий самого писателя.

